

Почему ваши выступления стали такой редкостью?

— В Москве я выступал в декабре—январе, потом в апреле. В марте очень много пел в Германии, после этого — в Израиле. Так что выступаю я не так уж редко.

— Выходят ли новые диски, книги?

— По части аудио есть серия «Собрание сочинений», где вышли восьмой и девятый мои диски — «Песни о любви» и «Песни на музыку Дашкевича». Если говорить о книгах, то последняя вышла в этом году в серии «XX век. Голоса» издательства «Локид». Очень красивый и содержательный томик получился, по-моему. В этой серии вышли тома Шалапина, Саши Черного, Галича, Городницкого, Высоцкого, а теперь вот мой.

— Вы бард, поэт, драматург. Есть еще какие-то области вашего творчества, которые остались пока в тени?

— Еще я пытаюсь писать прозу. Очень понравилось мне это дело, жаль, что руки до нее как следует не дойдут. Но я надеюсь, что в этом году руки все-таки дойдут, а в будущем году — тем более. Больше, пожалуй, ничего «тайного» нет. Жанры исчерпаны, теперь наличествует всё: стихотворные тексты, песенные, драматургия и проза. Давид Самойлов говорил, что литератор должен уметь всё. Я следую его указаниям.

— Какая из этих областей для вас главная?

— Конечно, в первую очередь песенные тексты. Это было самым главным моим занятием всю жизнь. А вот на втором месте стоит драматургия, хотя по сравнению со всем остальным я занялся ею существенно позже. Первую свою пьесу я написал, когда мне было уже 30 лет. Но с тех пор я это дело не бросаю и время от времени им занимаюсь. Если говорить об особенностях моей драматургии, то очень люблю пользоваться чужими сюжетами. Сказать, что продолжал какой-то известный сюжет, как это проделал Горин с «Ромео и Джульеттой», я не могу, но пытаюсь подходить по-своему — сколько угодно. У меня есть пьеса о Фаусте, есть свой вариант сюжета комедии Шекспира «Как вам это понравится» и т.д., и т.д. Кроме того, люблю сочинять либретто. Я написал либретто по пьесе Островского «Доходное место» и его пьесам о Бальзамине, а из прозы — по книге Войновича о солдате Чонкине.

— В кино вы работали с прекрасными композиторами — Геннадием Гладковым, Владимиром Дашкевичем, Алексеем Рыбниковым. Надеюсь, что и ваши либретто оказались востребованными?

— Да, мюзикл по «Чонкину» с музыкой Дашкевича был поставлен в Норильской драме, мюзикл по «Бальзамину» с музыкой Геннадия Гладкова — в московском театре «Бенефис», мюзикл по «Бумбарашу» с музыкой того же Дашкевича — в Театре Олега Табакова. Все эти спектакли идут и сейчас.

— Одним из любимых фильмов детства был «Про Красную Шапочку». Замечательные тексты песен из фильма принадлежали некоему Юлию Михайлову. Чуть позже я узнал, что Юлий Михайлов и Юлий Ким — одно и то же лицо.

— Дело в том, что до 1969 года я публиковался под собственной фамилией, а в 1969-м, поскольку поучаствовал в правозащитном движении, мне пришлось вооружиться псевдонимом — имя Юлий Ким оказалось негласно запрещено. Оно равнялось определению «мажорный антисоветчик», потому что я подписал целую серию писем и иных документов, протестующих против нашей внутренней и внешней политики того времени. Поэтому я числился в людях крамольных, а как литератор воспользовался псевдонимом и уже под его защитой продолжал

Юлий Ким всегда стоял в стороне от мейнстрима нашей авторской песни. Оттого, видимо, и привнес в культуру песен про костры и туризм театральность и иронию. И наверняка, он мог бы повторить вслед за «своим» Остапом Бендером: «Белеет мой парус, такой одинокий на фоне стальных кораблей».

Он действительно, словно небольшой, но на редкость маневренный катерок, с легкостью перемещается по акватории различных культурных контекстов, часто и с удовольствием занимаясь цитированием и ссылками на самых разных «коллег» по поэтическому цеху. Очень точно написал Лев Аннинский в своей книге «Барды»: «Ким вживается во все, пересмеивает всех, одушевляет все и вся независимо от качеств, параметров и «прописки». Его героя не привяжешь ни к какому типу так, как фиксируется дух Городницкого на облике двузильного геолога, дух Визбора — на облике веселого бродяги-студента, дух Окуджавы — на облике грустного солдата. Если уж искать определения, то герой Кима — маргинал. И жанр Кима — маргиналии, «записки на полях»: на полях каких-то других — и сочинений, и событий»

поддерживал такой мощный союзник, как Новелла Матвеева. Она тоже считает, что существует стихотворный текст и существует песенный текст. Скорее всего, так размышлял и Бродский, который не любил, когда его стихи распевали разные волонтеры вроде Мирзояна и Клячкина — не знаю, слышал ли он мирзояновский вариант, но Клячкина он слышал. Слово «поэзия» — очень емкое слово, «Мертвые души» тоже названы поэмой и, думаю, не зря. Поэтому в понятие поэзии песенное творчество безусловно включается. Но безусловно и то, что песенные и стихотворные тексты между собой разнятся. Очень часто песенный текст в напечатанном виде не смотрится как стихи или читается как очень слабые стихи. Между тем музыкальная интонация, мелодия, манера исполнения часто делают слова песни абсолютно единственными и необходимыми, хотя на бумаге они такими не кажутся. Песенное творче-

шаг вперед внутри себя, а из нее сделали едва ли не гимн перестройки, придав совершенно несвойственную изначально социальную окраску. В вашей жизни были подобные случаи, когда песни или какие-то иные ваши сочинения понимались превратно?

— Почти не было. Только пару раз, и не с песнями, а с пьесами. Первый раз — когда еще в брежневские времена я принес Марку Захарову насквозь пацифистскую пьесу, а он почему-то решил, что я воюю с американским империализмом. А другой уважаемый и любимый мною режиссер Петр Фоменко, когда я ему принес пьесу «Волшебный сон», почему-то усмотрел в ней пародию на застойный период, хотя этого там — ни сном, ни духом, кроме, возможно, некоторых случайных совпадений.

А что касается песен — чтобы я писал про одно, а думали, что я пишу про другое... Такого не было.

знаю людей, которым «путевку в жизнь» дал именно Грушинский фестиваль. Наверное, все «путевки» барды получили самостоятельно, каждый — каким-то своим, особым образом и не обязательно через Грушинский фестиваль. А то, что он есть свидетельство неослабевающего интереса к авторской песне, — безусловный факт. Различные аналоги этого фестиваля прослеживаются сейчас по всей России — я постоянно получаю информацию о различных региональных фестивалях — сибирских, восточноевропейских, проходят фестивали в Германии, Израиле, США, даже в Австралии. Русская бардовская песня широко распространилась по лицу земного шара.

— В свое время вы участвовали в правозащитном движении. Поддерживаете ли контакты в этой среде?

— С современным правозащитным движением я совсем не связан. Я знаю, что

ЮЛИЙ КИМ. ТАКОЙ ОДИНОКИЙ

Новая газета — 2007. — 27 июля — с. 23.

Фото Юрия БОГДАНОВА

НА ФОНЕ СТАЛЬНЫХ КОРАБЛЕЙ

Поздравляем Валерию Золотухину, исполнительницу роли Бумбараша — наряду с другими ролями в кино и в Театре на Таганке — с шестидесятилетием

работать в кино и в театре. Понятно, что это был секрет Полишинеля, но театальному и киношному начальству было удобнее работать с псевдонимом, а не с моей антисоветской фамилией. В 1985 году, после статьи обо мне Булата Шалвовича Окуджавы, я вернулся к своей натуральной фамилии.

— Получается, все люди, так или иначе связанные с цензурой в области кино и театра, были прекрасно осведомлены о том, кто такой Юлий Михайлов?

— Да, безусловно. Это был чисто формальный шаг, чтобы отмазаться от возможных вопросов партийного начальства. Как правило, все мои ровесники в публике и в литературе прекрасно знали, что Ким и Михайлов — одно и то же. Когда пришло новое поколение, то там некоторая путаница произошла, и время от времени я слышу на своих выступлениях недоуменные восклицания: «Неужели Михайлов и Ким — это одно и то же? Впрочем, мы давно это подозревали!»

— Насколько соотносимы, на ваш взгляд, авторская песня и поэзия как таковая?

— Когда-то давно мы спорили: является ли песенная поэзия отдельным видом поэзии. Булат считал, что бардовская песня — это напеваемые вслух стихи. Я не соглашался, и меня

ство входит в понятие поэзии, но она и стихотворная поэзия — это все-таки разные жанры.

— Вы носите корейскую фамилию. Отражалась ли как-то национальность на вашей творческой судьбе? Были ли вы знакомы с другим знаменитым корейцем Виктором Цоем?

— И по воспитанию, и по образованию, и по всему, что только можно еще придумать, я совершенно русский человек. По той причине, что отца моего, корейца, арестовали, когда мне не было еще и года. Воспитанием моим занималась моя русская мама, правда, после расстрела отца в 1938 году она пережила лагерь и ссылку, но все это время я рос в русской части своей семьи, а от корейской был оторван. Познакомился с ней много позже, когда началось время реабилитаций и я встретился с родственниками своего отца. Но большой и длительной связи из этого не получилось, поэтому корейского в моем творчестве нет ничего.

С Виктором Цоем я не был знаком и с творчеством его тоже, за исключением потрясающей песни «Мы ждем перемен», которая прозвучала в фильме «Асса».

— Песня Цоя «Мы ждем перемен» — о внутреннем мире человека, о том, как тяжело сделать

— Как вы относитесь к такому явлению, как Грушинский фестиваль?

— Какой бы уровень ни был представлен на этом фестивале, больше всего меня радует там огромное количество людей и огромное количество площадок. Получается огромная звучащая поляна, у каждого костра — свой автор, свое вдохновение, песни не утихают всю ночь. Для меня это говорит о том, что бардовская песня неистребима. И понятно, почему. Потому что она питается разнообразными корнями русской песни — городской, деревенской, старинной, новейшей, происходит взаимопроникновение бардовских интонаций в интонации рока, как это бывает у Макаревича и Шевчука, и обратно — например, можно увидеть следы самых разных влияний в музыке Шербаква. Я только приветствую все эти изменения и вовсе не ратую за стерильную чистоту жанра — пусть эти границы будут размыты. Грушинский фестиваль только подтверждает, что интерес к авторской песне не ослабевает. Сказать, что он расставляет свои табели о рангах, выявляет и выводит в жизнь какие-то таланты... Мне трудно говорить об этом, потому что я не

некоторые из моих старых знакомых по-прежнему принимают в нем участие — Григорьянц, Подрабинек. Но я слежу со стороны и никакого участия не принимаю, поскольку этим надо заниматься особенно, отдельно, почти профессионально, отдавая делу все свое время и силы. У меня же их сейчас хватает лишь на сочинительство. Хотя социальную тематику я по-прежнему не обхожу.

— Надолго ли вы в России, и планируются ли какие-то ваши выступления?

— Пока не планируются, но, думаю, в первой половине сентября серьезные выступления будут возможны. Летом, наверное, по традиции, позвонит выступать в бард-кафе «Гнездо глухаря» и «Беседка», но пока еще никаких предложений не получал. Я этому даже рад, потому что предвидится много литературной работы.

● Беседовал Анатолий ОБЫДЕНКИН

ОТ РЕДАКЦИИ. На Грушинском фестивале 2001 года будет вручена премия «Новой газеты». В эти дни среди участников фестиваля будут распространены десятки тысяч льготных подписок на нашу газету.